

ŠTÚDIE

НАТАЛЬЯ СОЛОВЬЁВА*

**Титулатура монарха в контексте внешнеполитического дискурса
Великого княжества Литовского и Московского царства
в конце XVI века
(на материале «Метрики Великого княжества
Литовского» 1585 – 1600¹)**

SOLOVYOVA, N.: Titles of Monarchs in the Context of Foreign Policy Discourse of the Grand Duchy of Lithuania and the Moscow State at the End of the XVI Century (on the Material of the Metrics of the Grand Duchy of Lithuania 1585 – 1600th). *Slavica Slovaca*, 54, 2019, No. 2, pp. 103-111 (Bratislava).

The article analyses the composition and structure of titles of Polish-Lithuanian and Russian sovereigns in diplomatic documents listed in the Metric of the Grand Duchy of Lithuania (GDL) of 1585 – 1600th. Titles functioning is analysed in the context of foreign policy communication of the end of the 16th century being shaped by complex and contradictory relations between the Grand Duchy of Lithuania that became part of Rzecz Pospolita in 1569 and the Moscow State. The article shows how under these conditions the titles of monarchs change from being a speech formula with a predominantly etiquette function changes to a means of expressing implicit information and forming political connotations.

Titles, structure of diplomatic documents, the Grand Duchy of Lithuania, Muscovy, 16th century.

В рамках европейского средневекового внешнеполитического дискурса титулатура – официальное именование монарха – выполняет особую функцию, являясь своеобразной самопрезентацией правителей государств, стоящих перед необходимостью обозначить и закрепить свой статус среди европейских и восточных монархов.

Изучение титулатуры монарха как элемента средневековой политической коммуникации по вполне понятным причинам носит междисциплинарный характер: любые лексико-грамматические трансформации официального именовании монаршей особы всегда являются отражением конкретных внутри- или внешнеполитических процессов и непосредственно ими обусловлены. В свою очередь, динамичность титулатуры как элемента средневекового дипломатического дискурса обеспечивает неослабевающий интерес исследователей к изучению особенностей функционирования титулатур в различных типах исторических документов.

Титулатуры как польско-литовских, так и русских правителей уже становились предметом научного изучения. Так, анализу славянских титулов эпохи раннего средневековья посвящена монография польского исследователя П. Бороña,² где автор подробно рассматривает происхож-

*Наталья Валентиновна Соловьёва, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и лингводидактики, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.

¹ Lietuvos Metrika. Knyga 594: (1585 – 1600). Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2006. 300 p.

² Boroña, P.: *Kniaziowie, królowie, carowie... Tytuły i nazwy władców słowiańskich we wczesnym średniowieczu*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2010. 325 s.

дение, функционирование и семиотические свойства титулов *kniaź, krol*, а также ряда менее распространенных на славянских территориях именовании правителей.

Проблеме появления и закрепления в титулатуре польских королей объектного титула русские сквозь призму польско-украинских отношений эпохи XIII – XIV вв. уделяет внимание Я. Исаевич.³

Исследование проф. А. Золтана⁴ посвящено выявлению условий и путей появления слова *господарь* в качестве элемента титулатуры средневековых правителей. По наблюдениям исследователя, закрепление титула в титулатуре правителей Польши и Великого княжества Литовского (ВКЛ), относится уже к XIV веку. В свою очередь, под влиянием польско-литовской канцелярии в XV веке *господарь* проникает в титулатуру московского правителя, основные черты которой в это время только начинают оформляться.

Исследуются и другие элементы титулатуры московского государя: *вся Русь*,⁵ *самодержец*,⁶ объектные (территориальные, «географические») титулы,⁷ выявляются факторы трансформации титулатуры в определенную эпоху,⁸ как правило, до середины XVI в., что вполне понятно, поскольку в общих своих чертах титулатура московского государя оформляется после официального принятия царского титула Иваном IV.

Как известно, новый титул московского правителя не был признан правящей элитой ВКЛ и Короны Польской, что вылилось в настоящую «титулатурную войну» между Иваном IV и Сигизмундом Августом,⁹ продолженную затем их преемниками. Дипломатическая переписка политической элиты ВКЛ и Московского государства, сохранившаяся в составе «Метрики ВКЛ 1585 – 1600» представляет собой интересный материал для наблюдений за судьбой титулатуры русского и польско-литовского правителей в общем контексте непростых отношений двух государств.

К этому времени титул *царь* в составе московской великокняжеской титулатуры получил признание вселенского патриарха¹⁰ и был воспринят рядом европейских монархов, в том числе английской королевой Елизаветой¹¹ и императором Рудольфом II.¹² Однако в инскрипции¹³

³ Isaevych, I.: On the Titulature of Rulers in Eastern Europe. In: Journal of Ukrainian Studies, vol. 29, № 1–2, 2004, p. 219–244.

⁴ Золтан, А.: К предистории русского «государь». In: Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. Москва: Языки славянской культуры, 2002, с. 554–590.

⁵ Богданов, С.В.: Об определении «вся Руси» в великокняжеской титулатуре XIV – XV в. (по материалам актов XIV – XV в.). In: Древняя Русь. Вопросы медиевистики, № 4, 2008, с. 30–49.

⁶ Кришянин, Н.: Титул самодержца (автократора) в Сербии и России: два пути развития византийского наследия. In: Вестник Волгоградского государственного университета, сер. 4, № 5, 2017, с. 162–183; Рабинович, Е.Г.: «Вся Руси самодержец». In: Индоевропейское языкознание и классическая филология, вып. 16, 2012, с. 698–711.

⁷ Пчелов, Е.В.: Территориальный титул российских государей: структура и принципы формирования. In: Российская история, № 1, 2010, с. 3–15.

⁸ Агоштон, М.: Титул правителя Московского государства (1474 – 1533). In: Вестник Волгоградского государственного университета, сер. 4, № 9, 2004, с. 6–15.

⁹ Хорошкевич, А.Л.: Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года. In: Отечественная история, №3, 1994, с. 23–42.

¹⁰ Соборная грамота духовенства православной восточной церкви утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем 1561 года (изд. к. М. А. Оболенским). Москва: Синодальная типография, 1850. 50 с.

¹¹ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 38: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией (1581 – 1604). Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1883. 493 с.

¹² Памятники дипломатических сношений с Римской Империей. Том II: (1594 – 1621). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1852. 794 с.

¹³ В историко-лингвистических исследованиях в формуляре начального протокола грамот обычно выделяются инвокация – богословие, интитуляция – именование адресанта, инскрипция – именование адресата, салютация – приветствие. См.: Филюшкин, А.И.: Формулы самопрезентации высшей власти в *invocatio* посольских грамот Ивана IV. In: Древняя Русь. Вопросы медиевистики, № 1 (23), 2006, с. 76–90; Карданова, Н.Б. Особенности формуляра царской грамоты к дожам Венеции: инвокация, интитуляция, начальное приветствие. In: Вестник САФУ, сер. «Гуманитарные и социальные науки», № 1, 2013, с. 70–75.

документов польско-литовской канцелярии Федор Иванович, как затем и Борис Годунов, именуются лишь «господарем и великим князем», несмотря на настойчивое и последовательное употребление титула царь в интитуляции русских грамот. Ср. написание титулатуры Федора Ивановича в интитуляции грамоты 1586 г. и в инскрипции ответного послания: 1) от великого *г(о)с(по)д(а)ра царя и великого кн(я)зя Феодора Ивановича всея Руси, владимерского, московьского, новгородьского, царя казаньского, царя астараканьского <...>*;¹⁴ 2) великому *г(о)с(по)д(а)ру и великому князю Феодору Ивановичу всея Руси, володимерьскому, московьскому, новгородьскому, казаньскому, астараканьскому <...>*.¹⁵

В чем же причина столь упорного отказа польско-литовской правящей элиты называть русского князя «царем»? Все попытки пролить свет на данную ситуацию неизбежно наталкиваются на противоречия.

Происхождение титула царь традиционно объясняется стяжением слова цѣсарь (от лат. *caesar*, обязательного элемента титулатуры римских императоров и непосредственно производного от имени Гая Юлия Цезаря¹⁶), которое в древнерусских текстах писалось преимущественно под титулом (цѣрь). Стало быть, титул царь равнозначен императорскому статусу, а различия между титулами царь и цѣсарь следует рассматривать как сугубо фонетические. Тем более интересно, что в дипломатической переписке Федора Ивановича с императором Рудольфом титул царь регулярно отмечается в инскрипции грамот и посланий, адресованных московскому правителю: Рудельфъ вторый, Божією милостію избранный Цесарь Римскій, всегда прибавитель, Нѣмецкій, Угорскій, Чешскій, Долматцкій, Кроатцкій и иныхъ, Король и Арцыкнязь, Аустрѣискій, Князь Бургундинскій, Стрыскій, Карынтейскій, Карніольскій и Витемборскій и иныхъ, Грабе Тирольскій, - Напресвѣтльишему и непобѣдимому Государю Федору Ивановичу, Царю и Великому Князю Русскому, Владимірскому, Московскому, Новгородскому и иныхъ.¹⁷ Особенно важным здесь является то, что оба титула – царь и цесарь – не дублируются, в тексте документов они не взаимозаменяемы (царь – только по отношению к Федору Ивановичу, цесарь – только по отношению к Рудольфу) и, следовательно, не тождественны семиотически. Очевидно, поэтому император Священной Римской империи не видел препятствий к признанию титула царь за русским правителем.

Признание различий царь и цѣсарь способно объяснить и отсутствие ограничений в употреблении титула царь в именовании восточных нехристианских правителей – преемников Золотой Орды – в дипломатических документах Речи Посполитой: Великое Орды волному царю Аслам Кгирею от насъ, Рад Коруны Полское и Великого Князьства Литовьского духовных и светьскихъ, поклонъ и поздороене.¹⁸ Интересно, что именно употребление титула царь по отношению к нехристианским правителям стало в свое время ключевым аргументом короля Сигизмунда-Августа при отказе именовать Ивана IV «царем». ¹⁹ Безусловно, позиция Сигизмунда в этом вопросе не выглядит убедительной и сводится к тому, что «мы новыхъ справъ у Хрестіанство уводити не звыкли»,²⁰ но в то же время отражает основное противоречие, вытекающее из допущения «царь < цѣсарь»: «царем» может называться только наиболее авторитетный из христианских правителей (император Священной Римской империи) и, в то же время, все нехристианские правители.

¹⁴ Lietuvos Metrika, p. 17.

¹⁵ Там же, p. 18.

¹⁶ Филюшкин, А.И.: Термины “царь” и “царство” на Руси. In: Вопросы истории, № 8, 1997, с. 144-149.

¹⁷ Памятники дипломатических сношений с Римской Империей, с. 17.

¹⁸ Lietuvos Metrika, p. 52.

¹⁹ Книга Посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 г.). Москва: Университетская типография, 1843, с. 96.

²⁰ Там же.

Сделанные наблюдения наталкивают на мысль о существовании в древнерусском языке двух омонимичных титулов *црь*, различных семиотически, функционально и, возможно, этимологически. На это, в частности, указывает В. В. Колесов, отмечая, что в библейских переводах титул *царь* (< цѣсарь) употребляется лишь по отношению к римскому императору, который, в свою очередь, рассматривался как наместник Бога – «небесного царя» – на земле. Однако «после 1267 г. царем стали называть также главу Орды, отчасти по недоразумению, поскольку произношение этого слова совпадало с соответствующим тюркским определением к титулу владыки земли и неба».²¹ Следует вспомнить, что версию «восточного» происхождения титула выдвигал еще Н. М. Карамзин: «Сіе имя не есть сокращеніе Латинскаго Caesar, как многіе неосновательно думали, но древнее Восточное, которое сдѣлалось у насъ извѣстно по Славянскому переводу Библии и давалось Императорамъ Византійскимъ, а в новѣйшія времена Ханамъ Могольскимъ, имѣя на языкѣ Персидскомъ смыслъ трона или верховной власти».²² Очевидно, Н. М. Карамзин имеет в виду древнеперсидское *sar* – ‘глава, руководитель’, которое стало основой для образования сложных слов с соответствующим значением,²³ хотя вполне возможно, что речь идет и об аккадском *šarrum* – ‘царь’, заимствованном и освоенном затем в древнееврейском языке.²⁴

Функционально-семантические особенности титула *царь* в составе официальной титулатуры Ивана IV и его преемников в полной мере отражают его двойственную природу. Сначала титул появляется в инициальной позиции перед собственным именем монарха, где, наряду с традиционными г(о)с(по)д(а)рь и великий князь, декларирует личный статус монарха, определяя его место на внешнеполитической арене, в кругу правителей европейских государств: великий г(о)с(по)д(а)рь, *царь* и великий князь Федор Ивановичь. Затем титул *царь* повторяется в объектной части титулатуры при перечислении территориальных владений – так называемых «географических» титулов (*царь* казаньскій, *царь* астраханскій), где отражает особенности внутрис государственного устройства, в том числе, право русского монарха на титул правителя завоеванных им территорий.

Русский титул *царь*, таким образом, логично рассматривать как результат столкновения восточной и западной культурных традиций, «царя – независимого правителя» и «царя – наместника Бога на земле» на фоне мессианско-эсхатологических мотивов доминирующей в то время в русском обществе идеологической концепции «Москва – Третий Рим». В результате этой причудливой контаминации культурно-языковых смыслов во второй половине XVI века в русской культуре формируется один из ключевых, наиболее самобытных и загадочных ее символов – «русский *царь*».

Очевидно, это хорошо понимали в правящих кругах ВКЛ: в инскрипции польско-литовских документов, представленных в «Метрике ВКЛ 1585 – 1600», как и в предшествующую эпоху, титул *царь* в отношении правителя Московии игнорируется как в инициальной, так и в объектной позиции.

Непросто складывается в дипломатической переписке двух соседних государств и судьба еще одного нововведения в составе официальной титулатуры московского государя – титула самодержец. В отличие от титула *царь*, внутренняя форма титула самодержец вполне прозрачна: уже в наиболее ранних общевосточнославянских текстах властные полномочия правителей описывались формулой *държати землю / държати княжение*.²⁵ Самодержец, таким образом, это

²¹ Колесов, В.В.: Мир человека в слове Древней Руси. Ленинград: Ленинградский университет, 1986, с. 269.

²² Карамзин, Н.М.: История государства Российского. Т. VI. Санкт-Петербург: Медицинская типография, 1817, с. 332.

²³ Абдалтажедини, Н.: К истории иранизма сардар в русской литературно-документальной рецепции. In: Вестник Кальмыцкого института гуманитарных исследований РАН, № 1, 2014, с. 47-49.

²⁴ Коган, Л.Е. – Лёзов, С.В.: Древнееврейский язык. In: Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северо-западное семитские языки. Москва: «Academia», 2009, с. 371-373.

²⁵ Срезневский, И.И.: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской АН, 1893, с. 775-776.

самостоятельный правитель, причем акцент здесь, в отличие от титула царь, сделан на сугубо политическом, светском характере власти.

Слово самодержец впервые было отмечено еще в составе титулатуры Ивана III,²⁶ однако на тот момент еще не имело характера официального титула, являясь, скорее, «почетным обращением».²⁷ Материалы дипломатической переписки между ВКЛ и Московским государством, сохранившиеся в составе «Метрики ВКЛ», в полной мере согласуются с наблюдениями Н. Кршлянин о том, что в качестве официального титула русского монарха самодержец закрепляется в составе царской титулатуры при Федоре Ивановиче,²⁸ что делает изучение специфики функционирования титула в текстах «Метрики» тем более интересным.

Своего рода переломным моментом в употреблении титула самодержец в дипломатической переписке с ВКЛ становится 1587 год, когда после смерти Стефана Батория московский государь недвусмысленно обозначил свои претензии на польско-литовскую корону. Письмо Федора Ивановича, датированное январем 1587 г., являлось первым официальным дипломатическим посланием к Панам Рады после известия о кончине короля и, очевидно, рассматривалось в правящих кругах Московии как подходящий момент для апробации нового титула с целью получить ответную реакцию польско-литовской знати: мы, великий г(о)с(по)д(а)рь и великий князь Федор Ивановичь всея Руси, самодержецъ владимирски[й], московский, новгородский, царь казанский, царь астраханьский, г(о)с(по)д(а)рь псковский и великий князь смоленский, тверский, югорский, пермьский, вятский, болгарский и иных, г(о)с(по)д(а)рь и великий князь Новагорода Низовское земли, черниговский, резанский, ростовский, ярославский, белоозерский, лифлянский, удорский, обьдорский, кондинский и всея Сибирское земли и Сиверное страны повелитель и иных многих г(о)с(по)д(а)рьствъ господар и самодержецъ.²⁹ Примечательно, что в инициальной части титулатуры Федора Ивановича отсутствует титул царь, что вряд ли может считаться случайностью, учитывая политическую значимость момента и щепетильность московской канцелярии в вопросе написания царского титула. А вот слово самодержец здесь употребляется дважды – в начале и в конце титулатуры, что, возможно, объясняется новизной титула, отсутствием для него фиксированного места. Одновременно с этим титул самодержец был включен в интитуляцию верительной грамоты³⁰ и в речи устного посольства.³¹

Однако расчет московского государя не оправдался: в ответной грамоте Панов Рады титул «великого г(о)с(по)д(а)ря и великого князя всея Руси» остался без изменений,³² что означало неготовность польско-литовской знати признать русского государя «самодержцем». Это не осталось незамеченным московской стороной: во всех последующих документах «часу инь-терекгни»³³ в титулатуре Федора Ивановича титул самодержец не употребляется, очевидно, в угоду польско-литовской политической верхушке, в надежде на поддержку во время выборов нового монарха.

Как известно, надежды московской знати на избрание Федора Ивановича польским королем не оправдались, в связи с чем дипломатическая переписка между государствами прервалась почти на два года. Ее возобновление ознаменовалось любопытным инцидентом, связанным с

²⁶ Агоштон, М.: Титул правителя Московского государства (1474 – 1533), с. 8-9.

²⁷ Кршлянин, Н.: Титул самодержца (автократора) в Сербии и России: два пути развития византийского наследия, с. 167.

²⁸ Там же.

²⁹ Lietuvos Metrika, p. 54.

³⁰ Там же, p. 58.

³¹ Там же, p. 59.

³² Там же, p. 61.

³³ Термин, используемый в «Метрике ВКЛ 1585 – 1600» для обозначения временного отрезка с момента кончины Стефана Батория до избрания нового короля.

нарушением дипломатического протокола, а именно с пропуском титулатуры избранного короля польского и великого князя литовского Сигизмунда III в форме родительного принадлежности при именовании Панов Рады в послании московских бояр:

Божю м(и)л(о)стью великого г(о)с(по)д(а)ра цара и великого кн(я)зя Федора Ивановича всея Руси, <...> (полный титул русского царя в род.п.) – *от боярына и наместника володимерского от кн(я)зя Федора Ивановича Мстиславского, от боярына и конюшого, наместника казанского и астраханского, от Борыса Федоровича Годунова, от боярына и наместника нижегородского от Федора Никитича Романова.*

Братья нашои, (титул польско-литовского монарха отсутствует) Паном Радом Великого Князства Литовьского, Юрю Радивилу, кардыналу костела Рымского, <...>, Крыштопу Радивилу, кн(я)жати на Биржах и Дубинках, <...>, Яну Яновичу Глебовичу на Дубровне, воеводе троцкому, державцы упитьскому.³⁴

Такое именование Панов Рады – без упоминания титула и имени монарха – было характерно в предшествующий период «кинтерекгни», или «безъгосподарствия» до избрания нового монарха, однако коронация Сигизмунда III предполагала возвращение к устоявшейся дипломатической практике именованию.

Безусловно, данное обстоятельство, которое, на первый взгляд, имело характер незначительного недоразумения, не ускользнуло от внимания польской стороны. В правящих кругах ВКЛ в неупоминании титула нового короля в письме московских бояр увидели политический подтекст, своеобразную месть за отказ в подчинении московскому царю: об этом прямо говорится в письме Панов Рады, отправленном к боярам с гонцом Яном Девялтовским в апреле 1590 г.: <...> *г(о)с(по)д(а)рь ваш, яко того ведомость маем, писати мел в листе своем <...>, якобы братья наши, народ Великого Кн(я)зства Литовского, хотели быть под рукою г(о)с(по)д(а)ра вашого, чого великому г(о)с(по)д(а)ру вашому чытит не годило ся, кды ж то и в помышленью при панованью г(о)с(по)д(а)ра нашого у обыватели Великого Кн(я)зства Литовског(о) не было. А к тому вы сами пишучы тепер до Панов Рад, братья нашое, тытулу г(о)с(по)д(а)ра нашог(о) теперешнего, короля его м(и)л(о)сти и великого кн(я)зя Жыкгимонта Третего, вспоменути не хотели, якобы есмо и до сего часу безг(о)с(по)д(а)рны быти мели.*³⁵

Одновременно в политической риторике Московского царства с ВКЛ употребление титула самодержец выходит на новый уровень: сначала на постоянной основе он закрепляется в финальной части полной титулатуры московского государя, а затем перемещается в ее инициальную, несущую наибольшую смысловую и экспрессивную нагрузку часть: великий г(о)с(по)д(а)рь цар и великий князь Феодор Иванович всея Руси самодержець, *владимерский, московский, новгородский, цар казанский, цар астраханьский, г(о)с(по)д(а)рь псковский и великий князь смоленский* <...>.³⁶ Именно в этой позиции, начиная с 1591 г., титул самодержець употребляется в интитуляции Федора Ивановича и Бориса Годунова в документах «Метрики ВКЛ 1585-1600».

Несмотря на то, что вопрос о причинах появления и последующего закрепления титула самодержец в составе титулатуры, о семантике, смысле, вложенном в него русскими монархами, остается актуальным,³⁷ бесспорно одно: для московского государя этот титул имел особое значение. Самодержец становится неотъемлемой частью не только полной, но и сокращенной царской титулатуры в рамках русского внешнеполитического дискурса (великий г(о)с(по)д(а)

³⁴ Lietuvos Metrika, p. 95.

³⁵ Там же, p. 103.

³⁶ Там же, p. 135-136.

³⁷ Подробно об этом см. Кршлянин, Н.: Титул самодержца (автократора) в Сербии и России: два пути развития византийского наследия.

рь цар и великий кн(я)зь Федоръ Ивановичъ всея Руси самодержавец³⁸), обязательно и настойчиво употребляется как в устных посольствах, так и в дипломатической переписке с государствами Европы.³⁹

Следует, однако, отметить, что русское слово самодержец зачастую вызывало сложности для перевода, связанные, прежде всего, с непониманием его смысла и специфики семантического разграничения с другими титулами в составе царской титулатуры. Как замечает Е. Г. Рабинович, «на языке дипломатии, по-латыни, регулярного соответствия слову «самодержец» не было, более того, даже в самой Московии никто не умел удовлетворительно объяснить, что значит это слово».⁴⁰ Так, например, в переводе писем цесаря Рудольфа к Федору Ивановичу в соответствии с русским самодержец употребляется владетель⁴¹ или обладатель.⁴² Иным смыслом наполняется титул самодержец в дипломатических документах английской канцелярии, где русскому титулу соответствует *souverein* (соверен) – ‘независимый правитель’.⁴³

Между тем политическая верхушка ВКЛ вовсе не признала титул самодержец: в ответных посланиях как польского короля, так и парламента (Рады) самодержец, так же, как и царь, при именовании московских правителей игнорируется. Ср. в инскрипции послания, написанного от лица Сигизмунда III Борису Годунову: Божю м(и)л(о)стью великому г(о)с(по)д(а)ру и великому кн(я)зю Борису Федоровичу всея Руси, влодымерскому, московскому, новгородскому, казаньскому, астраханьскому, псковскому, тверскому, югорскому, пермьскому, вятскому, болгарскому и иных.⁴⁴

В свою очередь, титул польско-литовского монарха оказывается под пристальным вниманием московской политической верхушки. В этой связи интерес вызывает переписка московских думных бояр с Панами Рады от 1594 г., связанная с нарушением сложившейся традиции написания королевского титула избранным польским королем и великим князем Сигизмундом III, незадолго до этого унаследовавшим также и шведскую корону.

Поводом для возмущения московских бояр стало написание титула короля Швеции перед титулами короля польского и великого князя литовского в грамоте Сигизмунда III, адресованной московскому царю: Жигимонт корол такие непригожие дела всчинает, писать в своем титуле такое безмере <...> что такие великие г(о)с(по)д(а)рства, Коруну Полскую и Великое Княжество Литовское, под Свеиское Королевство подписал.⁴⁵ Данное обстоятельство московская знать сочла недопустимым, поскольку «из начала Свеиская земля бывала многижда в подданных у датского короля и бывали на ней правители а не короли <...> А зсылали ся преж сего свеиские правители и перемире имывали великих г(о)с(по)д(а)рей наших, царей Росииских, з бояри и с намес[т]ники с новгородцкими, с нашею братьею».⁴⁶ Таким образом, по мнению московского боярства, статус шведского монарха был ощутимо ниже по сравнению со статусом короля Польши или великого князя литовского и, соответственно, титул шведского короля не мог занимать начальную позицию в титулатуре Сигизмунда III. Жесткую позицию в этом отношении занял и царь Федор Иванович, который послал Сигизмунду ответную грамоту, намеренно именуя его лишь шведским королем: а титла ему в грамоте писалъ свеиские, какъ писывано

³⁸ Lietuvos Metrika, p. 95.

³⁹ Путешествия русских послов XVI – XVII вв.: Статейные списки. Отв. ред. Д.С.Лихачев. Москва – Ленинград: АН СССР, 1954, с. 156-205; Памятники дипломатических сношений с Римской Империей, с. 260 и след.; Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 38, с. 261 и след.

⁴⁰ Рабинович, Е.Г.: «Всея Руси самодержец», с. 707.

⁴¹ Памятники дипломатических сношений с Римской Империей, с. 297.

⁴² Памятники дипломатических сношений с Римской Империей, с. 301.

⁴³ Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 38, с. 415.

⁴⁴ Lietuvos Metrika, p. 226.

⁴⁵ Там же, p. 213.

⁴⁶ Там же, p. 214.

отцу его Ягану, королю свеискому, а Коруну Полские и Великог(о) Князства Литовского писати нижеи свеиского титла не велел потому, что Коруну Полская и Великое Княжество Литовское г(о)с(по)д(а)рства великие, под Свеискимъ Королевств(о)м писати непригоже.⁴⁷

Безусловно, реакция московского царя, как и рассматриваемое послание в целом, являются в определенной степени провокационными и представляют собой часть политической игры, апеллирующей к патриотизму и самолюбию литовской шляхты на фоне и без того шаткого в ту пору авторитета Сигизмунда III.

В неосмотрительном поступке польского короля Москва увидела призрачный шанс вновь развязать борьбу за польско-литовскую корону, упущенную Федором Ивановичем в 1587 году. И этот шанс мог бы стать вполне реальным, если бы Паны Рады сочли употребление королевской титулатуры в послании Сигизмунда оскорблением польско-литовской государственности.

Тем более любопытным является ответ Панов Рады московским боярам: Але ижъ то вси народы въ звычайу мают, же кожъдый себе перед другимъ ставит и выносить, тогда се тому не дивуемъ, же его королевская м(и)л(о)ст, г(о)с(по)д(а)ръ нашъ м(и)л(о)стивыи, будучы бытностью своею г(о)с(по)д(а)рскою в том Королевстве своемъ Шведскомъ за радою и прозбою рад своих шведских в листе своемъ в справах Королевства Шведского пишучы зе Швеции до его м(и)л(о)сти г(о)с(по)д(а)ра вашего тытуль королевства Шведского перед тытуломъ Королевства Полского и Великого Князства Литовского ставити и писати росказати рачил. Але тут его королевская м(и)л(о)ст <...> в тых г(о)с(по)д(а)рствах своих, в Коруне Полскои и у Великомъ Князстве Литовскомъ <...> тытуль Королевства Полского и Великого Князства Литовского перед тытулом Королевства Шведского писати и уживати рачить.⁴⁸ Несмотря на поистине «соломонов» ответ и невозмутимость стилистики послания, есть основания думать, что употребление шведского титула в начальной позиции королевской титулатуры было все же болезненно воспринято литовской знатью. Так, в интитуляции послания помимо традиционных для официальной титулатуры польского короля объектных титулов появляются три новых, что, очевидно, должно было добавить политического веса Сигизмунду III как правителю ВКЛ и Короны Польской: Наяснеишого и великого г(о)с(по)д(а)ра Жикгимонта Третего, Божю м(и)л(о)стю короля полского, великого кн(я)зя литовского, русского, пруского, жомойтского, мазовецкого, киевского, волынского, подляшского, ифлянтского и иных и дедичного короля шведского, кготского, вандалского и княжати финляндского и иных.⁴⁹

Отдельного внимания заслуживает употребление в дипломатических документах «Метрики ВКЛ 1585-1600» объектного титула лифлянский / ифлянский. Как известно, Лифляндия (Livonia) долгое время была предметом споров между ВКЛ и Москвией. По итогам Ливонской войны эти земли вошли в состав польско-литовского государства, а титул лифлянский был включен в состав полной официальной титулатуры Стефана Батория, а затем и Сигизмунда III, что последовательно отмечается в дипломатических документах эпохи: *Najsańiejszy I wielki gospodar nasz Zygmunt III z laski Boży król polski, wielkie książę litewskie, ruskie, pruskie, żmoydzkie, mazowieckie, inflantskie i Królewstwa Szwedzkiego nablizszy dziedzie i przyszły krol.*⁵⁰ Вместе с тем, несмотря на неудачу в Ливонской войне, русский государь продолжает именовать себя «...великий князь Новагорода Низовское земли, <...> белоозерский, лифлянский, удорский, <...>» вплоть до начала 90-х гг. XVI века, опуская при этом титул лифлянский при обращении к польскому королю. И даже в тексте перемирного соглашения 1591 года,⁵¹ когда

⁴⁷ Там же, р. 215.

⁴⁸ Там же, р. 216.

⁴⁹ Там же, р. 215.

⁵⁰ Там же, р. 107.

⁵¹ Там же, р. 135-141.

московский царь официально отказался от претензий на Ливонию и спорный титул все-таки исчез из его полной титулатуры, при обращении к Сигизмунду III лифлянский все также последовательно игнорируется русской канцелярией, что недвусмысленно указывает на позицию Москвы в отношении спорных земель.

Таким образом, функционирование титулатур монархов в рамках внешнеполитического дискурса Москвы и Великого княжества Литовского в конце XVI века являлось своеобразным индикатором непростых отношений между соседними государствами. Относительно устойчивая структура и состав титулов, с одной стороны, и возможность их варьирования без нарушения дипломатического этикета – с другой, делали титулатуру эффективным средством формирования политического подтекста в случаях, когда прямые недвусмысленные высказывания в силу этикетных или иных причин были невозможны. Этот подтекст, впрочем, легко прочитывался политическими оппонентами, поскольку состав и порядок следования элементов титулатуры в эпоху средневековья находятся под пристальным вниманием государственных канцелярий, любые изменения в титулатуре на дипломатическом уровне интерпретируются как манифестация политических претензий и действенный инструмент политических манипуляций.

Titles of Monarchs in the Context of Foreign Policy Discourse of the Grand Duchy of Lithuania and the Moscow State at the End of the XVI Century (on the Material of the Metrics of the Grand Duchy of Lithuania 1585 – 1600th)

Natalia Solovyova

The article analyzes the specificity of the use of titles of Polish-Lithuanian and Russian monarchs in the diplomatic correspondence of the Grand Duchy of Lithuania and Moscow State at the end of the XVI century. The article emphasizes the communicative aspect: the differences in the use of titles in relation to the addresser and to the addressee of diplomatic messages and letters are revealed taking into consideration the corresponding elements of the formula – the intitulation and the inscription. In this regard, special emphasis is paid to the titles of tsar and samoderzec that are given central positions in the title of the Russian sovereign at the end of the XVI century, but are consistently ignored by the Polish-Lithuanian political elite. As the study shows the use of the monarchs' titles in the diplomatic correspondence of the Grand Duchy of Lithuania and the Moscow State outgrows the framework of a purely etiquette function turning into a tool of political manipulation.